

Роберт
Л. Гилберт

**Томас Тредд.
Мёртвый ход**

Роберт Гилберт Томас Тредд. Мёртвый ход

<https://litres.ru/73270402>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В Лондоне конца XIX века туман скрывает не только лица, но и истину. Но в лавке на Сент-Эндрюс-Хилл, 14, правда всегда выходит наружу. Старый часовщик Томас Тредд знает: люди могут лгать, притворяться или хранить молчание, но вещи — никогда.

Флакон духов, ставший смертельной ловушкой. Часы, застывшие в момент предательства. Гравировка на запонке, выдающая убийцу. В этом цикле рассказов Роберта Л. Гилберта вас ждут изящные преступления, где холодный расчет сталкивается с безупречной логикой человека, который заставляет вещи говорить.

Добро пожаловать в мир, где аромат фиалок пахнет смертью, а истина скрыта в деталях, мимо которых пройдут тысячи, но не Томас Тредд».

Содержание

Глава 1. Застывший аромат	5
Глава 2. Стеклоанное эхо	8
Глава 3. Тяжесть света	11
Глава 4. Свинцовое время	14
Глава 5. Последняя партия	17
Глава 6. Последний вздох тишины	20
Глава 7. Бархатная петля	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Роберт Л. Гилберт

Томас Тредд. Мёртвый ход

*«Вещи не убивают... убивают те, кто
заставляет их лгать».*

Лондон, Сент-Эндрюс-Хилл, 14, 1880–1898 гг.

Глава 1. Застывший аромат

Февраль в Лондоне стоял костью в горле. В лавке Томаса Тредда, среди тиканья сотен часов, которые он заставлял говорить правду, появился новый гость. Молодой человек, с лицом, похожим на надломленную фарфоровую статуэтку.

Он принес флакон духов. Крошечный, богемского хрустала, с серебряной пробкой. На дне – чуть-чуть янтарной жидкости.

– Моя сестра, мисс Эвелин, перестала дышать, – голос гостя дрожал. – Врачи сказали – астма. Смерть в кресле, на балу. Это ее любимые духи, «Слезы Офелии». Но я не могу их нюхать. В них что-то не так. Томас взял флакон пинцетом. Хрусталь был безупречен, пробка сидела плотно. Он не открывал её. Он поднес флакон к пламени спиртовки. Жидкость внутри забурлила, а серебряная пробка мгновенно покрылась изморозью.

– Убийство, сэр, – проскрипел Томас. – Самое изящное в этом сезоне. И самое холодное. Он достал из ящика микроскопический шприц и, найдя крошечный, невидимый глазу зазор между серебром и стеклом, набрал каплю жидкости. Капнул на лак прилавка. Лак зашипел и вскипел черным пузырем.

– Это не духи, а маскировка, – пояснил Томас. – Основа – чистый эфир, который мгновенно испаряется, оставляя

лишь аромат фиалок. Но внутри этого эфира, в суспензии, — цианистый калий. Гость попятился.

— Цианид? Но как? Она же не пила их!

— Она их носила, сэр. Флакон висел у неё на шее, как кулон. Посмотрите на серебряную пробку. Она не просто холодная. Она холоднее всего в этой комнате. Видите эту микроскопическую, едва заметную трещину на ободке? Томас указал на неё кончиком иглы.

— Это клапан. При температуре тела на балу, эфир нагревался. И через этот клапан он медленно испарялся прямо под нос вашей сестре. Невидимое облако, которое вызывало мгновенный приступ удушья, похожий на астму.

Старик поднял флакон на свет.

— Но самое главное не это. Клапан был активирован. Он открывается только при одном условии: если флакон резко встряхнуть. Как при танце. Томас посмотрел на гостя.

— Кто из джентльменов приглашал её на последний танец, сэр? Кто так крепко прижимал её к себе, что хрусталь флакона стукнулся о его запонку? На прилавке лежал шприц с ядом и флакон, который теперь не пах ничем, кроме смерти. Томас отвернулся к окну, где туман сгущался в непроницаемую стену.

— Вещи не убивают, сэр. Убивают те, кто заставляет их лгать. А этот флакон лгал изящно. Слишком изящно для человека, который носит такие грубые ботинки, как у вас. Я слышал, как вы зашли. Башмаки гостя заскрипели по старо-

му полу, когда он спешно направился к выходу. Колокольчик над дверью прозвенел резко и фальшиво.

Вещь: Изящество предмета часто обратно пропорционально уродству замысла. В мире Томаса даже аромат фиалок может оказаться молчаливым убийцей.

Глава 2. Стеклоанное эхо

Декабрь в Лондоне не шел – он просачивался сквозь щели, пах стужей и мокрой шерстью. В лавке Томаса время застыло, как муха в янтаре, пока дверной колокольчик не захлебнулся коротким, испуганным всхлипом. Вошел человек-тень. Его бледность была почти фосфоресцирующей, а пальцы, казалось, состояли из одних лишь суставов и нервов. Это был маэстро Адриан. Он бережно, словно раненого зверя, опустил на сукно прилавка футляр.

– Она поет не те ноты, Томас, – голос маэстро был едва слышнее пыли, танцующей в луче лампы. – Моя «Амалия»... великая скрипка. Она начала лгать. В её голосе – предсмертный хрип, которого нет в партитуре.

Томас не спешил. Он надел перчатки из тончайшей замши – кожа к коже – и открыл футляр. Инструмент сиял глубоким, коньячным блеском старого лака, вбирая в себя скудный свет газовых рожков. Старик не взял смычок. Он достал из нагрудного кармана маленький серебряный молоточек, каким часовщики проверяют чистоту сплава.

Едва заметный удар по деке. Скрипка отозвалась, но звук не взлетел к потолку. Он тяжело осел на пол, вибрируя низким, маслянистым гулом, от которого у Томаса заломило зубы.

– Дерево не умеет лгать, маэстро, – прошептал старик,

вглядываясь в изящные изгибы эф. – Оно лишь хранит то, чем его кормят. Он взял тонкое стоматологическое зеркальце и ввел его в темное нутро инструмента. Его взгляд замер.

– Видите это? – Томас направил узкий луч света внутрь. – Там, где должна быть пустота и резонанс. В глубине корпуса, обвивая душку, как паразитное растение, тянулась нить. Она была тоньше волоса, из матового, иссиня-черного металла. Она не принадлежала мастеру Гварнери. Она принадлежала алхимику.

– Это «паутина вдовы», маэстро. Сплав вольфрама и ртути. Она реагирует на трение. Томас достал из ящика щепотку канифоли, которую принес Адриан, и бросил её на раскаленную пластину спиртовки. Вместо запаха смолы по лавке разлился приторный, удушливый аромат цветущего олеандра.

– Ваша ученица подарила вам эту канифоль, не так ли? Сладкий яд. Частицы этого состава оседали внутри скрипки через эфы с каждым движением смычка. Они слой за слоем облепляли эту нить, делая её тяжелее, пока она не превратилась в удавку.

Томас взял тонкие щипцы.

– Каждое ваше «крещендо» нагревало дерево. Каждое «форте» заставляло нить сжиматься. Еще один концерт, маэстро, и ваша «Амалия» не просто замолчала бы. На пике звука нить перерезала бы душку, и скрипка схлопнулась бы внутрь себя, превратившись в груду щепок. Удар был бы на-

правлен вам в висок – прямо через подбородник. Маэстро Адриан пошатнулся, его лицо стало прозрачным, как пергамент.

– Она хотела... чтобы я замолчал на самой высокой ноте?

– Она хотела владеть вашей смертью, раз не смогла овладеть вашим талантом, – Томас резким движением вытянул черную нить. Она змеилась в его щипцах, живая и злая. – Вещи – лишь зеркала, маэстро. И в этом зеркале я вижу нечто очень мелкое, уродливое тщеславие. Старик закрыл футляр. Щелчок замка прозвучал как приговор.

– Идите. И играйте Баха. Его музыка слишком чиста для того, чтобы в ней выжил этот запах олеандра. Когда Адриан исчез в лондонской хмари, Томас долго смотрел на черную нить, зажатую в пинцете. Она всё еще вибрировала, пытаясь издать свой последний, смертоносный аккорд.

Вещь: Истинное мастерство – это не только чистота звука, но и способность слышать фальшь там, где другие слышат лишь аплодисменты. В мире Томаса даже тишина может быть заточена, как бритва.

Глава 3. Тяжесть света

Январь в Лондоне был не месяцем, а состоянием души – серым, липким и безнадежным. В лавке Томаса сумерки сгустились до консистенции дегтя, когда порог переступил лорд Эдриан седьмой. Он не шел, он нес себя, как треснувшую вазу, а в руках сжимал тяжелую трость с набалдашником из горного хрусталя.

– Она убивает мою память, Томас, – лорд опустил в кресло, и старая кожа мебели вздохнула под его весом. – Моя жена, леди Гвендолин. Каждое утро она дарит мне новый галстук, завязанный её идеальными руками. Но к вечеру я забываю имена своих детей. Врачи говорят – старческое слабоумие. Но мне всего сорок пять. Томас молча протянул руку. Лорд, дрожа, развязал шелковый узел на шее и положил галстук на прилавок. Это был шедевр ткацкого искусства: глубокий изумрудный цвет, переливающийся, как чешуя тропической змеи. Старик не стал разглядывать узор. Он достал из-под прилавка весы, предназначенные для взвешивания пылицы, и аккуратно опустил на них шелк. Стрелка дернулась и замерла на отметке, которая заставила Томаса поднять брови.

– Шелк – это воздух, запертый в нити, – проскрипел он. – Но ваш галстук весит столько, будто в него вплели свинец. Томас взял магнитный стилус и медленно провел над тка-

нюю. Ничего. Тогда он достал синюю лампу – редкий прибор, привезенный из Йены. В её мертвенном свете изумрудный шелк внезапно вспыхнул ядовитым, лихорадочно-желтым сиянием.

– Красота требует жертв, милорд, но ваша жена предпочла принести в жертву ваш разум. Томас взял тонкое лезвие и вспорол подкладку. Внутри, между слоями шелка, не было ни хлопка, ни шерсти. Там лежала тончайшая, как папиросная бумага, прослойка из порошка, зашитого в микроскопические капсулы.

– Это «зелень Шееле», – Томас указал кончиком скальпеля на светящиеся частицы. – Мышьяк в его самой коварной форме. Но здесь он смешан с солями марганца. Старик поднял галстук на уровень глаз лорда.

– Вы затягиваете узел прямо на сонной артерии. Весь день ткань соприкасается с вашей кожей. От тепла тела капсулы лопаются, и яд впитывается через поры. Марганец медленно разрушает те отделы мозга, что отвечают за узнавание лиц и имен, а мышьяк заботится о том, чтобы ваша общая слабость выглядела как естественное увядание. Лорд Эдриан смотрел на галстук с ужасом, словно это была живая гадюка.

– Но зачем? Она плакала у моей постели сегодня ночью...

– Слезы – отличный растворитель для совести, – Томас аккуратно свернул изумрудную смерть и убрал её в свинцовую шкатулку. – Посмотрите на этот галстук еще раз. Видите узел? Он завязан так, чтобы при каждом вашем вдохе ткань

чуть плотнее прилегал к шее. Это не просто подарок. Это медленная удавка, которая душит не дыхание, а саму вашу личность.

Томас подошел к окну и раздвинул тяжелые шторы. Уличный фонарь выхватил из темноты силуэт кареты, ждавшей у входа.

– Леди Гвендолин очень заботлива. Она прислала за вами экипаж. Но я бы посоветовал вам идти пешком. Свежий ветер – единственный антидот против такой «любви». Лорд поднялся, его движения стали резкими, словно он внезапно проснулся. Он оставил трость и галстук на прилавке и вышел, не оглядываясь. Томас вернулся к своим часам. Он знал: завтра газеты напишут об исчезновении лорда, но сегодня в лавке пахло только честным старым деревом и побежденным ядом.

Вещь: Самые нежные объятия – те, что оставляют меньше всего следов. В мире Томаса даже шелковый галстук может оказаться петлей, сплетенной из фальшивой преданности.

Глава 4. Свинцовое время

Февраль вцепился в Лондон ледяными когтями. В лавке Томаса тишина была такой густой, что казалось, её можно резать ножом для бумаги. Но вот колокольчик звякнул – нетерпеливо, с вызовом. В помещение ворвался капитан Харкорт, герой колониальных войн. Человек-скала, чьё лицо было изрезано шрамами, как карта боевых действий. Он швырнул на прилавок массивные карманные часы на золотой цепи.

– Они спешат, Томас! – рявкнул капитан, и пламя ламп испуганно дрогнуло. – Врачи говорят, у меня горячка. Сердце колотится так, будто я бегу марафон, сидя в кресле. Я не сплю неделю. И всё время слышу этот проклятый ритм. Томас не коснулся часов. Он посмотрел на пальцы капитана: их кончики были неестественно багровыми, почти синюшными.

– Время – это пульс Вселенной, капитан, – проскрипел старик. – Но ваши часы, кажется, бьются в ритме чужой ненависти. Он взял инструмент, похожий на длинную иглу с крошечным зеркальцем на конце. Приблизился к часам, но не открыл крышку. Вместо этого он поднес к ним обычный компас. Стрелка компаса, вместо того чтобы указывать на север, начала бешено вращаться, словно сойдя с ума.

– Магнетизм? – буркнул капитан. – Глупости. Я не подхо-

жу к машинам.

– Хуже, сэр. Гораздо изящнее. Томас надел тяжелое пенсне и, наконец, вскрыл заднюю крышку. В нос ударил странный, сухой запах озона и жженого сахара. Механизм внутри был безупречен, но на внутренней стороне крышки была выгравирована крошечная, почти невидимая спираль, заполненная серым веществом.

– Это подарок вашей супруги к возвращению из Индии? – спросил Томас, не поднимая глаз.

– Откуда вы... Да. Она сказала, что это залог нашей долгой жизни вместе.

Томас взял щипцы и поднес к спирали счетчик, который сам сконструировал из куска кварца и золотой нити. Нить начала светиться тусклым, тревожным светом.

– Это не просто гравировка, капитан. Это «соль смерти» – изотоп, добытый из редкой руды, которую везут из заброшенных шахт Востока. Она испускает невидимые лучи, которые наш глаз не видит, но тело чувствует каждой клеткой. Старик указал на главную пружину часов.

– Ваша жена знала, что вы никогда не снимаете эти часы. Они лежат у вашего сердца днем и висят над вашей головой ночью. Радиация – так называют это физики – ускоряет метаболизм. Ваше сердце пытается убежать от яда, который прошивает вас насквозь каждую секунду. Вы не болеете, сэр. Вы сгораете изнутри на медленном, невидимом огне. Капитан схватился за край прилавка, его дыхание стало тяжелым

и свистящим.

– Но механизм... зачем они спешат?

– Чтобы вы чаще их заводили, – Томас захлопнул крышку щипцами. – Чем туже натянута пружина, тем активнее вибрирует эта спираль под действием механического напряжения. Она сделала время вашим палачом. Каждая секунда, которую вы считаете подарком, на самом деле – шаг к инфаркту, который врачи сочтут естественным последствием вашей бурной службы. Томас убрал часы в толстую свинцовую коробку. Звук тиканья мгновенно исчез, сменившись оглушительной тишиной.

– Идите к полковому врачу, Харкорт. Скажите, что вам нужно очистить кровь солью и покоем. И больше не носите золото, которое обещает «вечную» жизнь. Когда капитан, пошатываясь, вышел в метель, Томас долго смотрел на свои руки. Он знал: вещи не обладают волей. Волей обладают лишь те, кто вкладывает в холодный металл свою раскаленную злобу.

Вещь: Самый точный хронометр – тот, что отсчитывает не часы до рассвета, а мгновения до конца. В мире Томаса даже тиканье в кармане может быть обратным отсчетом, запущенным любящей рукой.

Глава 5. Последняя партия

Март ворвался в лавку Томаса вместе с запахом талого снега и дорогого табака. Гость был молод, строг и безупречно одет, но его глаза – сухие и лихорадочные – выдавали человека, который уже несколько ночей подряд ведет диалог с безумием. Он положил на прилавок шахматную фигуру. Белый ферзь из слоновой кости, увенчанный крошечной короной.

– Мой отец, гроссмейстер Вартенслебен, умер вчера во время финала турнира, – юноша сглотнул. – Его рука замерла над доской, когда он собирался объявить мат. Врачи говорят – апоплексический удар. Но посмотрите на фигуру. Томас взял ферзя. Резьба была тонкой, как морозный узор: юбки королевы казались мягкой тканью, а в руках она держала едва заметный скипетр.

– Ферзь – самая сильная фигура, – проскрипел Томас. – Но и самая уязвимая. Он поднес фигуру к уху и слегка встряхнул. Внутри что-то глухо сместилось. Едва слышный шелест, похожий на движение песка в песочных часах. Томас не стал вскрывать основание. Он достал длинную стеклянную трубку с густой прозрачной жидкостью внутри – глицерином. Опустил фигуру в сосуд.

Ферзь медленно пошел ко дну, но на полпути вдруг замер, перевернулся вверх дном и начал совершать странные, дер-

ганные движения.

– Центр тяжести, – Томас прищурился. – Он живой.

Он вынул фигуру, протер её шелком и направил на неё мощный луч синей лампы. На белой кости проступили крошечные, как поры кожи, отверстия. Они были забиты воском в цвет материала.

– Ваш отец был правой? – спросил старик.

– Да. И он всегда долго раздумывал над ходом, сжимая фигуру в кулаке. Это была его привычка. Томас взял тонкое сверло и аккуратно удалил одну из восковых пробок. Из отверстия выкатился крошечный шарик металла. Он был тусклым и странно «ленивым» в движении.

– Ртуть? – шепнул гость.

– Хуже. Ртутная амальгама с добавлением таллия и диметилсульфоксида. Последнее – это вещество, которое позволяет любому яду мгновенно проникать сквозь кожу прямо в кровоток. Томас указал на внутреннее устройство фигуры.

– Внутри ферзя выточена спиралевидная полость. Когда ваш отец брал фигуру, тепло его ладони растапливало тончайшую перегородку. Ртуть начинала перемещаться, меняя баланс фигуры, заставляя её «дрожать» в руке. Чтобы удержать её ровно, гроссмейстер сжимал кулак еще сильнее. Старик поднял шарик пинцетом.

– Давление и тепло. Яд выдавливался через эти микроскопические поры прямо в потную ладонь. Таллий парализует нервную систему, вызывая спазм сосудов мозга. Это был

идеальный мат, сэр. Ход, который нельзя отменить. Юноша закрыл лицо руками.

– Но кто? Кто мог знать его привычки настолько хорошо?

– Тот, кто подарил ему этот набор, зная, что в финале ваш отец будет играть белыми. Тот, кто понимал: жажда победы заставит его держать этого ферзя так крепко, словно в нем заключена сама жизнь. Томас вернул ферзя в бархатный мешочек.

– Вещи не играют в игры, молодой человек. В игры играют люди, а вещи лишь доводят партию до конца. Когда гость ушел, Томас посмотрел на шахматную доску в углу своей лавки. Все фигуры стояли на местах, неподвижные и немые. В мире Томаса даже победа могла иметь горький привкус металла под языком.

Вещь: Самый опасный противник – не тот, кто сидит напротив, а тот, кто подготовил поле боя. В мире Томаса даже корона на голове ферзя может оказаться жалом скорпиона.

Глава 6. Последний вздох тишины

Апрель в Лондоне был обманчив: он пах влажным асфальтом и обещаниями, которые никогда не сбываются. В лавку Томаса вошла женщина, чья грация казалась изваянной из лунного света. Это была Клара Вайн, прима-балерина, чьи прыжки называли «полетом над бездной». Но сегодня её ноги подкашивались, а в руках она сжимала шкатулку, обтянутую кожей испуганного ягненка.

– Мой голос, Томас... – она коснулась горла, и звук её слов был похож на хруст сухого снега. – И мои легкие. Каждый вечер, когда я открываю эту шкатулку, чтобы надеть свои украшения перед выходом на сцену, комната наполняется ароматом старой пудры. А на утро я кашляю кровью.

Томас принял шкатулку. Она была старой, с вензелями исчезнувшей династии. Старик не стал открывать её сразу. Он достал длинную стеклянную спицу и прикоснулся к замочной скважине. На кончике спицы осталось несколько невидимых глазу чешуек.

– Пудра, говорите? – Томас поднес спицу к пламени свечи. Огонь внезапно сменил цвет на мертвенно-зеленый, а по лавке пополз запах жженой чесночной шелухи.

– Самое страшное в красоте – это её долговечность, – прокрипел старик, надевая маску из плотного шелка. – В викторианскую эпоху, дитя моё, женщины любили бледность.

Но ваша шкатулка хранит секрет поинтереснее обычных белил. Он медленно открыл крышку. Внутри, на выцветшем атласе, лежал жемчужный гарнитур. Но Томаса интересовали не жемчуга. Он взял маленькое меховое сопло и начал осторожно выдувать воздух из-под обивки шкатулки в сторону чистого листа бумаги. На белом фоне проступили микроскопические частицы – игольчатые, блестящие, как пыль со звезд.

– Это «белый иней» из рудников Корнуолла, – Томас указал на пыль кончиком иглы. – Чистый оксид мышьяка, смешанный с измельченным стеклом. Но коварство не в составе. Посмотрите на петли шкатулки.

Он указал на крошечные мехи, скрытые в шарнирах крышки. Каждый раз, когда Клара открывала шкатулку, чтобы взять ожерелье, скрытый механизм срабатывал как кузнечный мех, выбрасывая в воздух облако невидимой, острой пыли.

– Вы вдыхали это облако каждое предпремьерный вечер, – Томас закрыл шкатулку, и звук был похож на захлопывание капкана. – Стекло наносило микроскопические раны вашим бронхам, а мышьяк немедленно проникал в раны, вызывая медленный, изящный отек. Вы не просто кашляли кровью – вы дышали своей смертью, пока зрители рукоплескали вашим прыжкам. Клара схватилась за прилавок. Её глаза, подведенные сурьмой, расширились от ужаса.

– Но это подарок... подарок от моего импресарио. Он ска-

зал, что эти жемчуга принесут мне бессмертие.

– Он почти не солгал, – Томас убрал шкатулку в герметичный ящик. – Бессмертие в памяти публики часто стоит жизни артиста. Ваш импресарио хотел запечатлеть вас на пике формы, не давая времени на увядание. Мертвая прима – это легенда.

Стареющая прима – это расходы.

Томас пододвинул к ней стакан воды с растворенным углем.

– Пейте. И уезжайте из этого города. Ваши легкие еще можно спасти, но только если вы перестанете дышать чужим обожанием. Когда балерина ушла, растворившись в тумане, как видение, Томас посмотрел на свои часы. Они тикали равнодушно и чисто.

Вещь: Предметы не имеют чувств, но они умеют хранить верность тем, кто их создал. В мире Томаса даже шкатулка с жемчугом может оказаться склепом, который открывается каждое утро.

Глава 7. Бархатная петля

Май в Лондоне выдался удушливым. Воздух был тяжелым, как нестиранный гобелен, и даже Темза, казалось, замедлила свой бег, не в силах нести груз городских нечистот. В лавку Томаса зашел человек, чье лицо было скрыто за полями дорогого цилиндра. Он не положил вещь на прилавок – он поставил её. Это была клетка. Изящная, выкованная из золоченой проволоки, внутри которой на тонком насесте замерла механическая канарейка.

– Она перестала петь, – голос гостя был сухим, как треск сучьев. – Моя подопечная, юная леди Беатрис, страдает от бессонницы. Эта птица была единственным, что даровало ей покой. Но теперь девочка чахнет, а заводной механизм лишь хрипит, как старик в агонии. Томас посмотрел на клетку сквозь линзы своих очков. Золото на прутьях потемнело, покрывшись странным, сизым налетом, напоминающим плесень на губах покойника. Старик достал из ящика камертон и легонько коснулся золоченой проволоки. Звук был не чистым, а глухим, словно металл был наполнен ватой.

– Птица не поет, когда ей нечем дышать, – проскрипел Томас.

Он не стал заводить механизм. Вместо этого он взял тонкий шприц с реактивом и капнул на дно клетки. Жидкость мгновенно окрасилась в цвет перезрелой сливы.

– Посмотрите на эти перья, – Томас указал кончиком иглы на механическую птицу. – Они настоящие. Но они пропитаны не лаком. Он осторожно вскрыл крошечный отсек в основании клетки, где прятались шестеренки. Внутри, среди зубчатых колес, лежал маленький мешочек из пористой кожи.

– Ваша «благодетельница», леди Беатрис, спит в комнате с плотно закрытыми шторами? – спросил старик, не поднимая глаз.

– Да. Она боится ночных сквозняков.

– Тогда она вдыхает «сон дьявола».

Томас пинцетом извлек мешочек. От него исходил тонкий, почти гипнотический аромат фиалок и влажной земли.

– Внутри этого саше – концентрат семян черного аконита, смешанный с эфиром мускуса. Но самое изящное – это сам механизм. При заводе шестеренки начинают не только вращать птицу, но и тереться о пористую кожу мешочка.

Томас заставил колесико провернуться. По лавке пополз едва видимый глазу пар.

– Трение нагревает яд. Птица поет свою колыбельную, а легкие девочки наполняются парами, которые замедляют ритм сердца. Сначала это кажется глубоким сном. Потом – блаженным забытием. А на третью неделю сердце просто забывает, как делать следующий удар.

– Это двойная петля, сэр, – сказал Томас. – Птица замолчала не просто так. Вероятно, механизм был разработан с

расчетом на поломку.

Гость вздрогнул. Его рука непроизвольно потянулась к клетке, но Томас резко захлопнул её дверцу, прищемив золоченый носик механической птицы.

– Не прикасайтесь, пока я не закончу осмотр, – проговорил старик. – Эти механизмы бывают очень капризны.

Когда колокольчик за спиной гостя смолк, Томас долго стоял у окна. В 1892 году, как и сто лет назад, люди всё так же пытались упаковать в красивые вещи скрытый смысл.

– Пой, маленькая, – прошептал он пустой клетке. – Сегодня твоя песня будет правдивой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.